

НА КРЕМЛЁВСКОМ ПРИЁМЕ 24 МАЯ 1945 ГОДА СТАЛИН ПРОИЗНЁС СВОЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ТОСТ: «ЗА РУССКИЙ НАРОД!»

СТАЛИНСКИЙ ТОСТ за РУССКИЙ НАРОД

Только сегодня мы можем увидеть
это великое застолье в полный рост!

Долгое время основным источником сведений о кремлёвском приёме был официальный отчёт, опубликованный в центральных газетах, и воспоминания очевидцев, главным образом видных полководцев и военачальников.

Теперь стала доступной стенографическая запись, сделанная на приёме.

В ней более подробно, чем в газетах, отражено происходящее в Большом Кремлевском дворце поздним вечером 24 мая 1945 года.

Достаточно сказать, что стенографическая запись зафиксировала 31 тост (из них пять принадлежали Верховному Главнокомандующему), в которых речь шла о 45 человеках.

Из газетного же отчёта следует всего 28 здравиц (из них лишь две – сталинские) с упоминанием

31 человека, поскольку положенная в основу официального газетного отчета стенограмма предварительно подверглась редактированию – текст редактировали Молотов и отчасти Сталин. Сравнивая теперь оба источника, можно выяснить, какая именно правка была внесена, какие абзацы и отдельные слова корректировались, а что и вовсе оказалось изъятым.

Отдельное спасибо доктору исторических наук В. Невёжину, это он посмотрел на великое застолье трезвым взглядом

Приём в честь командующих войсками Красной Армии начался в восемь часов вечера. В зале появились встреченные аплодисментами гостей руководители партии и советского правительства: И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, Н. С. Хрущев, Л. М. Каганович, А. А. Андреев, А. И. Микоян, Н. М. Шверник, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, Н. А. Булганин, Н. А. Вознесенский. Они заняли почётные места в президиуме.

Вслед за этим В. М. Молотов предложил видным советским военачальникам Великой Отечественной войны пройти в президиум: маршалам Советского Союза Г. К. Жукову, И. С. Коневу, С. М. Будённому, С. К. Тимошенко, К. К. Рокоссовскому, Р. Я. Малиновскому, Ф. И. Толбухину, Л. А. Говорову, адмиралу флота Н. Г. Кузнецову, главному маршалу артиллерии Н. Н. Воронову, главному маршалу авиации А. А. Новикову.

Обращаясь к гостям с приветственным словом, В. М. Молотов (а он выступал в роли тамады, то есть распорядителя застолья) отметил, что Советское правительство устроило этот большой приём в честь командующих войсками Красной Армии «с участием выдающихся деятелей социалистического строительства, науки и искусства».

Первый тост Молотов посвятил красноармейцам, краснофлотцам, офицерам, генералам, адмиралам, маршалам Советского Союза и прежде всего И. В. Сталину, который «руководил и руководит» всей борьбой и привёл «к великой победе, невиданной в истории». Второй бокал Молотов поднял «за великую партию Ленина – Сталина» и за её штаб – Центральный комитет. И эту здравицу он посвятил Сталину.

Затем тамада переключил внимание на присутствовавших в Георгиевском зале гостей из Польши, только что обретшей независимость. За четыре дня до этого, 20 мая, в Москву прибыл эшелон с углем – подарок от польских горняков.

Польский подарок доставила делегация из 20 человек, возглавляемая председателем профсоюза польских горняков И. Щесняком.

И Молотов предложил выпить «за демократическую, дружественную Советскому Союзу Польшу». В ответ члены польской делегации подошли к столу президиума и хором спели польскую заздравную песню. (Из стенограммы приёма неясно, что за песня была исполнена; вероятно, поэтому в газетном отчете сказано: «Польская делегация исполняет на родном языке народную заздравную песню в честь тов. Сталина».)

Советскому вождю, видимо, понравилось приветствие польских шахтёров. В стенограмме зафиксирован первый тост Сталина, прозвучавший на приёме (в газетном отчёте этой заздравной нет): «За настоящую, рабочую дружбу, которая сильнее всякой другой дружбы! За горняков наших и ваших!».

Далее Молотов отметил, что сегодня среди участников торжества нет М. И. Калинина, «который должен теперь особенно заботиться о своем здоровье». 69-летний всесоюзный староста был серьёзно болен, и в конце апреля Политбюро предоставило ему отпуск для лечения. Поэтому вполне логично прозвучало предложение выпить за здоровье Калинина, «одного из славных представителей русского народа», старейшего члена Центрального комитета большевистской партии, Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Здесь Сталин позволил себе вмешаться и провозгласил собственный тост: «За нашего президента, за Михаила Ивановича Калинина!». (Тост Сталина, прозвучавший на приёме, не включён в официальный газетный отчёт.)

Перехватив инициативу, Сталин первым предложил выпить за Вячеслава Михайловича Молотова — руководителя внешней политики. При этом уточнил: «Хорошая внешняя политика иногда весит больше, чем две-три армии на фронте». Свой тост Сталин завершил словами: «За нашего Вячеслава!» (Молотов оказался единственным, кого на приёме 24 мая назвали только по имени.)

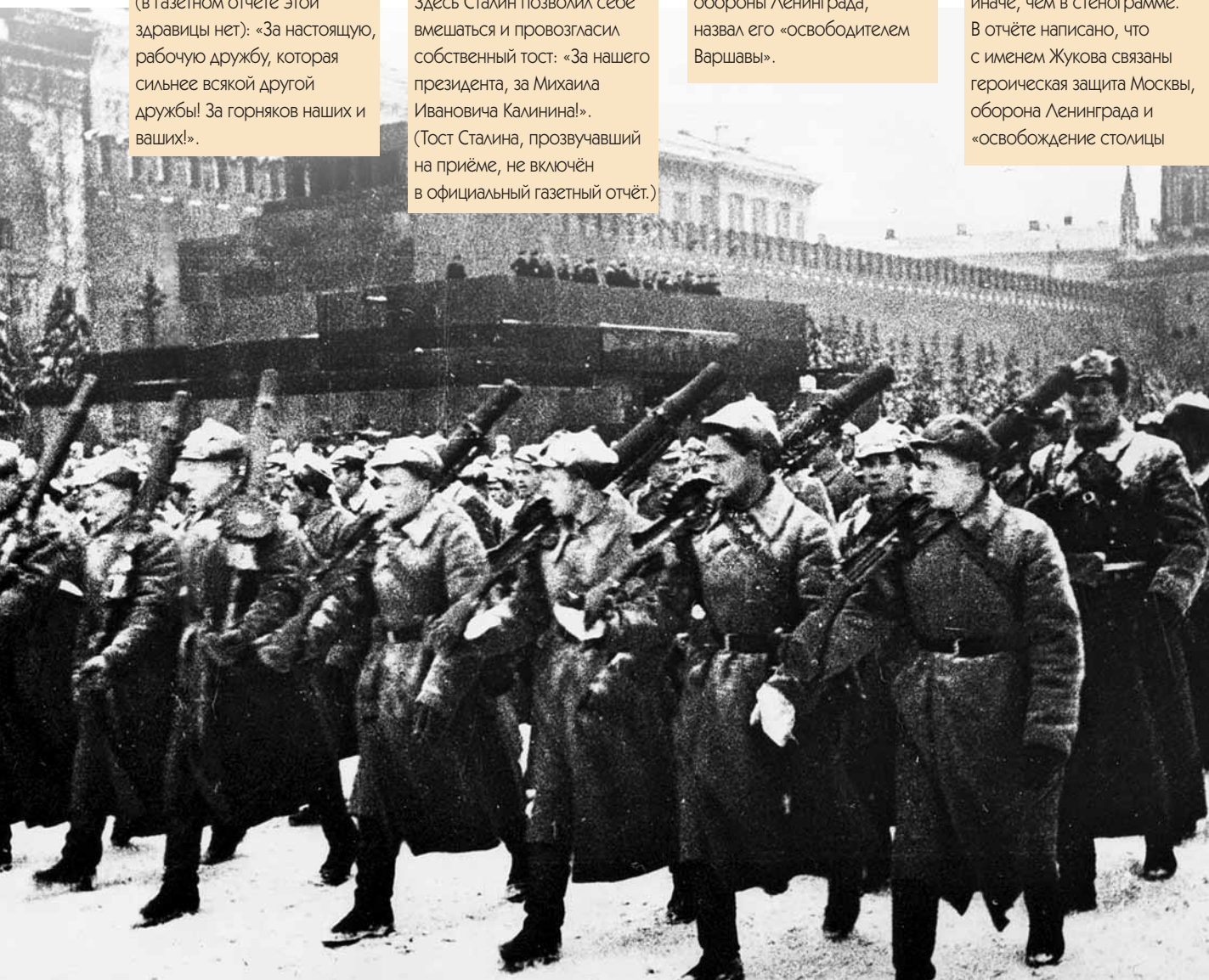
Затем в целой серии тостов тамада предложил поднять бокалы за заслуги командующих войсками Красной Армии. Первым он назвал фамилию командующего 1-м Белорусским фронтом Г. К. Жукова, напомнив о заслугах полководца при защите Москвы, во время обороны Ленинграда, назвал его «освободителем Варшавы».

В стенограмме приёма далее приведены слова Молотова:

«Все помнят, что под руководством маршала Жукова наши войска вошли победителями в Берлин». Гости откликнулись на заздравную горячую овацию.

Далее стенограмма воспроизводит четвёртый по счёту тост Сталина: «Долой гитлеровский Берлин! Да здравствует Берлин жуковский!», вызвавший смех и аплодисменты в зале. Однако в газетном отчете слова Сталина о «Берлине жуковском» отсутствуют. Вообще, вся сцена со заздравной в честь маршала Г. К. Жукова выглядит в нём иначе, чем в стенограмме. В отчёте написано, что с именем Жукова связаны героическая защита Москвы, оборона Ленинграда и «освобождение столицы»

дружественной Польши – Варшавы». Далее в газетной публикации подчеркивалось: под командованием маршала Жукова советские войска «ворвались в фашистское логово – Берлин и водрузили над ним знамя победы». Из официального отчёта следовало, что после здравицы Молотова в честь Жукова раздался «взрыв аплодисментов», но относившийся не к известному военачальнику, а «в честь доблестной Красной Армии и её полководцев».

Теперь Молотов поднимает бокал за каждого из них персонально: за маршалов Конева, Рокоссовского, Говорова, Малиновского, Толбухина, Василевского (если судить по стенограмме, Василевского на приёме не было), Мерецкова; за генералов армии Баграмяна и Ерёменко.

Отдав должное представителям той плеяды советских полководцев, которая выдвинулась, главным образом, на полях сражений Великой Отечественной войны, тамада не оставил без внимания старших по возрасту военачальников Красной Армии, проявивших

себя ещё в Гражданскую – Ворошилова, Будённого и Тимошенко (они выдвинулись во многом благодаря тому, что были соратниками Сталина со времён Первой конной армии).

Как следует из стенографической записи, Молотов попросил присутствующих «налить бокалы полнее», поскольку намеревался чествовать моряков. Он предложил здравицы за народного комиссара Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецова, адмирала флота И. С. Исакова и за командующих флотами: Балтийского – адмирала В. Ф. Трибуца, Черноморского – адмирала Ф. С. Октябрьского, Северного – адмирала А. Г. Головки, Тихоокеанского – адмирала И. С. Юмашева. Сталин дополнил эту здравицу, пожелав адмиралу Юмашеву «успеха в возможной войне!». И эта реплика не вошла в официальный газетный отчёт. Причина могла заключаться в следующем. Согласно предварительной договорённости с западными

союзниками (США и Великобританией), СССР вёл тогда подготовку к боевым действиям против Японии, в которых активное участие должен был принять Тихоокеанский флот. В такой ситуации публикация сталинского тоста с пожеланием адмиралу Юмашеву «успеха в возможной войне» скорее всего была неуместной.

Серию здравниц в честь командующих Красной Армии и Военно-Морского Флота Молотов завершил, последовательно поднимая бокал за маршалов специальных родов войск. В официальном газетном отчёте упомянуты фамилии лишь трёх из десяти военачальников, за которых прозвучала здравица: главного маршала артиллерии

Н. Н. Воронова, главных маршалов авиации А. А. Новикова и А. Е. Голованова. (Фамилии остальных семи военачальников есть в стенограмме: маршалы авиации Ф. Я. Фалалеев, Г. А. Ворожейкин, Ф. А. Астахов, С. Ф. Жаворонков, С. А. Худяков; маршалы бронетанковых войск Я. Н. Федоренко и П. А. Ротмистров; маршал артиллерии Н. Д. Яковлев; маршал инженерных войск М. П. Воробьев; маршал войск связи И. Т. Пересыпкин.)

Как следует

из стенограммы, В. М. Молотов особо выделил Генеральный штаб Красной Армии, подняв бокал за его начальника генерала армии А. И. Антонова и за начальника оперативного управления С. М. Штеменко. Однако в газетном отчете этот тост Молотова помещён в самом конце и без упоминания Штеменко.

Завершающая серия

зdrавиц посвящалась членам Государственного комитета обороны (ГКО) и военных советов фронтов и армий. Если судить по стенограмме приёма, эта серия началась с тоста в честь ГКО и «руководителей дела снабжения Красной Армии во время Великой Отечественной войны» тем боевым оружием, которым разгромлены на полях сражений враг и его союзники. Далее В. М. Молотов стал последовательно называть фамилии членов Государственного комитета обороны, подробно останавливаясь на характеристике той отрасли, за которую тот конкретно отвечал. В завершение он провозгласил тост за здоровье всех и прежде всего за здоровье И. В. Сталина.

В официальном отчёте последнего тоста Молотова в честь Сталина нет, а зdrавицы тамады в адрес членов Государственного комитета обороны более лаконичны, чем в стенограмме, их заслуги названы в самой общей форме.

В газетной публикации

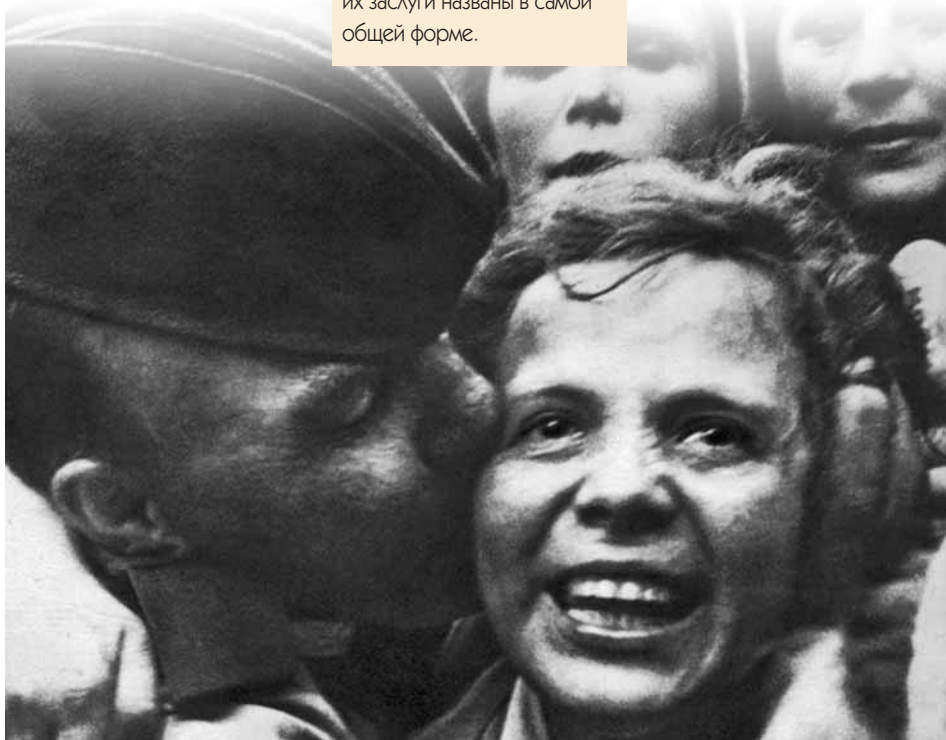
опущен завершающий тост Молотова, который, если судить по стенограмме, был посвящён членам военных советов фронтов и армий, как присутствующим, так и отсутствующим. Из числа присутствующих были названы фамилии двух человек, к тому же членов Политбюро ЦК ВКП(б) – генерал-полковника А. А. Жданова (он был членом военного совета Ленинградского фронта) и генерал-полковника Н. С. Хрущёва (члена военных советов ряда фронтов).

Трудно объяснить, почему в газетном отчете не были упомянуты Жданов и Хрущёв, а также фамилии двенадцати военачальников, за которых провозглашались зdrавицы. Возможно, Жданову припомнили «нервный срыв», произошедший с ним в начале войны. Вся тяжесть руководства обороной блокированного немцами Ленинграда фактически легла

тогда на его ближайшего помощника, А. А. Кузнецова. А возможно, умолчание газетного отчёта о Жданове крылось в реакции на зdrавицу в его честь. По одной из версий (не подтверждённой, правда, стенографической записью) Сталин лично провозгласил тост за здоровье Жданова, как «организатора обороны Ленинграда». Жданов же, вместо того чтобы возразить и сказать, что подлинным её организатором был Сталин, подошёл к Верховному Главнокомандующему, чокнулся с ним и поблагодарил.

Что касается Хрущёва, то скорее всего Сталин (в общем-то симпатизировавший Хрущёву) так и не смог простить ему причастность к тяжелейшему поражению Красной Армии под Харьковом в 1942 году.

Трудно объяснить невнимание к члену Политбюро и ГКО А. А. Андрееву и к входившему в состав Оргбюро ЦК Н. М. Швернику: ни стенограмма, ни газетный отчет о торжественном обеде 24 мая 1945 года не отметили зdrавиц в их честь.

Ни разу не упомянул Молотов армейских и флотских политработников, хотя политико-пропагандистская работа на фронте и в тылу всегда занимала важное место.

Не было предложено тоста за тех полководцев и флотоводцев, которые погибли и умерли от ран в 1941–1945 годах. Очевидно, так было задумано, и на торжественном обеде чествовали лишь тех, кто прошёл всю войну и остался в живых.

Последний тост, вернее, небольшую застольную речь произнёс далеко за полночь Председатель Совета народных комиссаров Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин. Когда Сталин встал из-за стола президиума и попросил слова, присутствующие устроили ему бурную овацию. Тост, посвящённый русскому народу, неоднократно прерывали долго не смолкавшие аплодисменты. Эта застольная речь заняла по времени чуть ли не полчаса. Различные авторы, в первую очередь историки, писавшие о здравнице Сталина «За русский народ!», брали за основу официальный отчёт, но интерпретировали содержание тоста по-разному. Одни восприняли тост Сталина-победителя как программный, направленный на смену в послевоенную эпоху ориентиров в этнополитической сфере. Вождь противопоставил русских другим народам страны, чтобы, опираясь на авторитет русского народа, выступая от его имени, сделать его своего рода посредником во взаимоотношениях с другими народами.

Другие сочли, что, отметив решающую роль русских в достижении победы, Сталин продемонстрировал недоверие к другим народам, участвовавшим в войне. Получалось, что именно русский народ выступал в роли решающей силы, а «иные» народы Советского Союза были способны в тяжёлый час пойти на осуждение Советского правительства.

По мнению третьих, в тосте Сталина просматривалось стремление видеть русский народ покорным, верным и преданным ему лично. В то же время в сталинской здравнице от 24 мая 1945 года некоторые увидели исходную точку для развёртывания после войны новых политических репрессий. Проявив стремление к возрождению «русской идеи», вождь дал мощный импульс политико-пропагандистской борьбе против «низкопоклонства» перед Западом и «космополитизма».

Наконец, четвёртые обратили внимание на стилистику, на словесно-символическое наполнение сталинской здравницы «За русский народ». Вождь превозносил былинные качества русских, такие, как «ясный ум, стойкий характер и терпение». Его речь не столько приобретала необходимую в таких случаях и подобающую политической тональность, сколько проговаривалась «в человеческом измерении». Поскольку речь, тем не менее, являла собой форму «тоста за здоровье», это обуславливало её особую доверительность.

Следует подчеркнуть, что авторы, рассуждавшие на эту тему, брали за основу официальный текст застольной речи Сталина, предварительно отредактированный им самим. Доступная ныне стенографическая запись даёт возможность заново проанализировать её содержание и выяснить, какая именно смысловая правка была внесена в неё рукой Сталина перед публикацией газетного отчёта о торжественном обеде в Кремле 24 мая 1945 года.

